

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПУТЬ ОТЪ ФАРАНА ДО УАДИ УСЕЙТЪ.

20, Воскресеніе.

Когда утренняя заря освѣтила багряныя вершины Зербала; я помолился Отцу свѣтовъ и изготовился въ путь дальній. Предъ отъѣздомъ моимъ мѣстные Бедуины дешево продали мнѣ четыре Римскія мѣдныя монеты, найденныя ими въ развалинахъ Фарана. На одной изъ нихъ видно было имя Императора Валентиніана.

Въ пять часовъ поѣздъ мой двинулся съ мѣста. Было тепло и весьма тихо. Проводники предвѣщали мнѣ день знойный. Сидя на смирномъ эджинѣ, я чертилъ на бумагѣ направленіе Фейранской долины, по которой мы ѣхали, *) и отмѣчалъ часы путевые.

*) Смотри очеркъ ея на листъ 38.

Эта долина, подобная высохшей рѣкѣ, извивается межъ высокихъ, гранитныхъ горъ. Дно ея, индѣ широкое индѣ узкое, песчано. Въ ней нѣтъ ни деревъ, ни кустарниковъ, ни родниковъ воды. Когда идутъ дожди; вода изъ боковыхъ юдолей, Гесеръ, Збетъ, Нисранъ, и изъ другихъ, стекаетъ черезъ нее къ Чермному морю черезъ Уади Срефъ, Тарръ, Мидіе и прочія дебри. На всемъ протяженіи ея загадочныя надписи начертаны на нижнихъ слояхъ утесовъ только въ трехъ мѣстахъ. Такъ какъ онѣ малы, не ясны и сдѣланы кѣмъ-то мимоходомъ; то я не отподобилъ ихъ, и только означилъ ихъ мѣстность на чертежѣ своемъ.

Наступилъ одиннадцатый часъ. Жаръ усилился такъ, что Фейранская долина походила на раскаленную печь. Я изнемогъ и едва доѣхалъ до акаціи, которая одиноко стоитъ близъ устья Уади Нисранъ и даетъ слабую тѣнь. Тутъ поѣздъ мой остановился. Верблюдовъ развьючили. А мы расположились отдыхать вокругъ вождѣннаго дерева.

Жаръ въ каменистой пустынѣ, при безвѣтріи, расслабляетъ путника неизмѣрно. Въ часы зноя не любопытствуешь, ни въ чемъ не принимаешь участія, на все смотришь вяло и чувствуешь только пламень и истому. Тогда ни умъ, ни память, ни воображеніе не дѣйствуютъ, а тѣло торчитъ на сѣдлѣ верблюда, словно раскаленный гвоздь. Испытавшему столь тяжкую истому понятно псаломское слово:

«во адѣ же кто исповѣтся тебѣ?» Охъ, никто тамъ не сможетъ ни проговорить, ни вспомнить исповѣданіе вѣры, ни принести покаяніе, ни чувствовать, ни сознавать, что существуетъ что-либо другое, кромѣ тартара, ада, тьмы и муки. А вѣчно сознавать одно и тоже мученіе, — это ужасно! О, господи! избави отъ ада всякую душу христіанскую.

Несносный жаръ длился до трехъ часовъ по полудни. Потомъ подулъ прохладный вѣтерокъ. Освѣженные имъ, мы отправились въ путь и еще засвѣтло прибыли въ долину Мукаттебъ и учредили въ ней свой станъ близъ сосѣдней Уади Сидре.

Мукаттебская долина, или точнѣе, котловина, окруженная со всѣхъ сторонъ гранитными горами и расширенная къ востоку, безводна, песчана, безлѣсна *). Западная часть ея покрыта безобразными буграми и обвалами отъ сосѣднихъ высотъ. Тутъ же на гранитныхъ утесахъ, прямолинейно тянувшихся вдоль дороги, и на приваленныхъ къ нимъ обломкахъ песчаника начертано великое множество надписей, Греческихъ, Сирскихъ, Коптскихъ и загадочныхъ **). Посему эта мѣстность и названа Уади Мукаттебъ: что значитъ, долина письменъ. Загадочныя надписи въ нѣсколькихъ строкахъ высоко изсѣчены, одна подлѣ другой, такъ тѣсно, что съ трудомъ можно

*) Смотри видъ ея.

**) Смотри ихъ въ числѣ прочихъ надписей.

различать ихъ. Онѣ должны быть очень древни. Ибо многія изъ нихъ едва-едва примѣтны. Не знаю: какой народъ, когда, и по какой причинѣ произвелъ ихъ въ этомъ безводномъ мѣстѣ. Что касается прочихъ надписей; то вырѣзанные при нихъ кресты, и библейскія имена, Іовъ, Моисей, Стефанъ, Іоаннъ, доказываютъ, что онѣ начертаны были въ разныя времена христіанами, ходившими въ Синайской монастырь.

21, Понедѣльникъ.

Утромъ въ пять часовъ я отправился съ переводчикомъ и съ двумя Бедуинами въ сосѣднюю Уади Магару, желая осмотрѣть тамошніе письменные памятники, а прочимъ проводникамъ велѣлъ прибыть туда къ девяти часамъ. Минуту сорокъ пять минутъ седьмого, когда мы вѣхали въ устье Магарской долины и спѣшили у первыхъ гранитныхъ утесовъ ея. Тутъ ползла длинная и весьма тонкая змѣя, самой ядовитой породы. Бедуины убили ее и принесли ко мнѣ на палкѣ. Я прогналъ ихъ, и обратилъ вниманіе на загадочныя надписи, высоко начертанныя на лѣвой, отвѣсной скалѣ, багрянаго цвѣта, при вѣздѣ въ долину. Онѣ сохранились очень хорошо. Почеркъ ихъ — правиленъ и даже красивъ. Кто вырѣзывалъ ихъ, стоя на под-

мосткахъ, тотъ не торопился. Между ними замѣчена была мною четкая надпись въ видѣ Китайскихъ столбцовъ. Такая нечаянная постановка ея удивила меня и утроила мое вниманіе. Я зорко разсмотрѣлъ въ ней каждую букву, и потомъ со всею отчетливостію отподобилъ всю надпись *) Съ перваго взгляда она показалась мнѣ Славяно-глаголитскою. Однако я не могъ прочесть ее, да и не видалъ и не слышалъ, чтобы Славяне когда-либо писали глагольскія буквы отъ правой руки къ лѣвой, и при томъ столпообразно. При взглядѣ на эту надпись разныя мысли, одна за другою, возникали въ головѣ моей. Стою предъ утесомъ и спрашиваю самъ себя: не эти ли черты и рѣзы Славянъ разумѣлъ черноризецъ Храбръ? Не браминъ ли Индѣйскій начертилъ тутъ свою памятку Санскритскими буквами? Не писали ли такъ когда-либо Китайцы, или жители Тибета, и не подражали ли столпообразному писанію ихъ тѣ Халдейскіе Несторіане, которые проповѣдовали имъ христіанскую вѣру? И не Сиро-халдейскую ли надпись Несторіанскаго поклонника я вижу предъ собою? — Вопросы безъ отвѣтовъ — мученье для ума. Скала съ таинственными письменами — камень преткновенія для путника, не имѣющаго многостороннихъ познаній. Лучше обойти такую скалу, списавъ изсѣченныя на ней буквы. Такъ я и поступилъ: от-

*) Смотри ее.

подобилъ нѣсколько загадочныхъ надписей *) и прошелъ прямо въ глубь долины Магарской. Близъ поворота изъ нея въ Уади Кіне у подошвы горы отдѣльно лежитъ огромнѣйшій камень. Одна сторона его обтесана въ видѣ четверосторонника съ линиями и кантами, и вся покрыта Египетскими іероглифами. Нѣкоторыя изъ этихъ письменъ полуизгладились отъ времени, а многія сохранились въ неповрежденной цѣлости. Между ними ясно видѣнъ гербъ Фараона, четвертой династіи, Хуфу, построившаго большую пирамиду близъ Каира **). Налобовавшись этимъ письменнымъ памятникомъ, котораго древнѣе нѣтъ въ самомъ Египтѣ, я въ сопровожденіи двухъ мѣстныхъ Бедуиновъ пошелъ обозрѣвать прочія изваянія Египтянъ въ Магарѣ. Скоро подошли мы къ глубокому впаду въ горѣ, что съ лѣвой стороны отъ дороги, и по грудамъ камней, отломанныхъ людьми отъ утесовъ, съ трудомъ вошли къ отвѣсному челу горы порфиороваго цвѣта. На этомъ челѣ, почти по одной линіи, изсѣчены іероглифы и лики боговъ, жрецовъ и царей Египетскихъ въ видѣ отдѣльныхъ картинъ, обрамленныхъ кантами ***). Жрецы приносятъ жертвы богамъ, а цари убиваютъ плѣнныхъ палицами. Размѣры сихъ картинъ неодинаковы. Однѣ

*) Смотри ихъ }
 **) Смотри ихъ } въ числѣ прочихъ надписей.
 ***) Смотри ихъ }

изъ нихъ высоки и широки, другія меньше и уже, иныя малы, но всѣ отдѣланы чисто и изящно. По другую сторону горнаго вгиба высоко видны двѣ подобныя картины. Къ нимъ я не подходилъ. Одинъ изъ проводниковъ увелъ меня къ сосѣдней съ первыми изваяніями пещерѣ, сказавъ, что въ ней находится безчисленное множество письменъ другаго вида. Съ трудомъ я достигъ туда, и что же увидѣлъ? Мелкія полосы и язвыны на стѣнахъ, оставшіяся послѣ выдолбленія и выпила оттуда порфировыхъ плитъ, да еще слѣды какого-то Европейца, подобно мнѣ обманутаго невѣдѣніемъ Бедуиновъ. Трудъ мой конченъ былъ. Магарскіе чичерони получили отъ меня денежный подарокъ и ушли во свояси. А я сѣлъ на эджина, и заставъ свой караванъ близъ устья Магары, отправился съ нимъ далѣе въ началѣ десятаго часа.

Дорога пролегала, сперва, чрезъ узкую долину, облицованную красивыми утесами, коихъ порфировые остовы изпещрены разноцвѣтными полосами, потомъ, чрезъ великолѣпную Уади Шилмелъ. Отсюда мы спустились на широкое поле Мархское, прилегающее къ Чермному морю, и проѣхавъ поперекъ его, остановились ночевать у источника, Мѳрка, пріосѣненнаго дикимъ финичіемъ, недалеко отъ крутояраго устья Уади Насбъ, въ которомъ видны были зеленныя пальмы.

Солнце закатилось за Африканскія горы. Невиди-

мая десница покрыла ихъ синею тончицею. Успокоенное море подобилось чистѣйшему зеркалу. На моей кущѣ отражалось зарево Бедуинскаго огнища. Я сидѣлъ подлѣ нея и думалъ:

« На пути отъ Суэса до Уади Мукаттебъ нѣкоторыя мѣста носили и теперь носятъ названія Египетскія, какъ то Фихахиротъ = Аджрутъ, Піамъ = Еѳамъ, Мошѣ = Аюнъ-Муса, Хаммамъ Фараунъ. А на сопредѣльныхъ съ Мукаттебомъ высотахъ, Ель-Хадемской и Магарской, находятся древнѣйшіе памятники Египетскихъ царей. Но за этими высотами, на дальнѣйшемъ пути къ Синае-Хориву и Эланитскому заливу ни одно мѣсто не называется по Египетски, и нигдѣ нѣтъ іероглифовъ. Стало быть, Египтяне въ древнѣйшія времена владѣли не всѣмъ полуостровомъ Синайскимъ, а только сѣверо-западною частию его. Царство ихъ отдѣлялось отъ Палестины такъ называемою въ книгѣ Бытія водотечію Египетскою (Глав. 15), или что то же, долиною Ель-Аришъ, а отъ внутренняго Синая — пограничными мѣстами, Ель-Хадемомъ и Магарою. Въ этихъ мѣстахъ фараонами водворена была селитва для разработки металлическихъ рудъ и для ломки камней разнаго качества, и поставлена Египетская стража. Работники и воины молились въ Ель-Хадемскомъ капищѣ, а начальники ихъ изсѣкали іероглифы и лики знаменитыхъ фараоновъ на стѣнахъ и обелискахъ этой молельни и на порфировыхъ скалахъ

Магары. У границы Египетской въ долинѣ Мукаттебъ обрѣтается великое множество надписей. Понятно накопленіе ихъ въ этомъ мѣстѣ. Тутъ жители Синая продавали Египтянамъ своихъ козъ, овецъ, верблюдовъ, молоко, плоды, шерсть, уголья, гранитные жернова и разныя плиты каменные, а сами покупали у нихъ хлѣбъ, соль, одежду, обувь, оружіе и занимались работать въ сосѣднихъ рудахъ и каменоломняхъ. Эти сдѣлки удерживали ихъ въ Мукаттебѣ на нѣсколько часовъ; да вѣроятно, тутъ находилась и стража ихъ. Кто изъ торгующихъ и стрегущихъ умѣлъ писать, тотъ чертилъ на скалахъ свои памятки.»

«Египтяне постоянно жили въ Ель-Хадемѣ и Магарѣ въ царствованіе фараоновъ 4, 12, 18 и 19 династій, до 1279 года до рождества Христова, какъ то доказываютъ тамошніе письменные памятники. При послѣднемъ фараонѣ 18 династіи Моисей укрывался на Синаѣ и у Хорива получилъ повелѣніе отъ Бога вывести Израильтянъ изъ Египта въ Палестину, а перваго фараона 19 династіи просилъ отпустить ихъ (Исход. 4, 18, 19), — «да праздникъ сотворятъ богу своему въ пустыни. Богъ еврейскій призванъ насъ: пойдѣмъ убо путемъ трехъ дней въ пустыню, да пожремъ господу богу нашему, да не когда случится намъ смерть, или убійство» (Исходъ 5, 1 — 4). Подъ этою пустынею Моисей разумѣлъ гору Хоривъ съ окрестностію ея; ибо тамъ ему сказано было:

«се тебѣ знаменіе, яко азъ тя посылаю: внигда извести тебѣ люди моя изъ египта, и помолитесь богу въ горѣ сей» (Исходъ 3, 12). До пустыннаго Хорива Израильтянамъ надлежало идти три дни. А такъ какъ отъ столичнаго города фараоновъ, Мемфиса, или Цоана, и даже отъ Гессемской земли до этой горы болѣе десяти дней пути; то, очевидно, Моисей считалъ разстояніе Хорива отъ Хадемо-Магарской границы Египетскаго царства, отъ которой можно придти туда въ третій день. Стало быть, онъ просилъ фараона отпустить Израильтянъ на праздникъ за границу владѣній его. Да и фараонъ такъ понималъ просьбу Моисея, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: «воззва фараонъ моисея и аарона, глаголя: шедше, пожрите жертву господу богу вашему *въ земли сей* (т. е. въ Египтѣ). И рече моисей: не можетъ се тако быти: хульно бо се египтяномъ: не положимъ требу господу богу нашему: аще бо положимъ требу по хуленію египетску предъ ними, каменіемъ побіють ны. Путемъ тріехъ дней пойдѣмъ въ пустыню, и пожремъ господу богу нашему, яко же рече господь намъ. И рече фараонъ: азъ отпускаю вы, и пожрите господу богу вашему въ пустыни: но не далече простирайтесь ити (Исход. 8, 25—29). Кто же и кто суть идущіи? И рече моисей: съ юношами нашими и съ старцы пойдѣмъ, съ сынами и дщерми, и со овцами и волами нашими: будетъ бо праздникъ господа бога нашего. И рече имъ фа-

раонъ: да будетъ тако, господь съ вами: яко же отпускаю васъ, еда и стяжаніе ваше; видите, яко мужество обрѣтается въ васъ. Не тако, но да идутъ мужіе, и да послужатъ богу». (Исход. 10, 9 — 12). Фараонъ провидѣлъ намѣреніе старѣйшинъ Израильскихъ переселиться изъ Египта въ другую землю, и потому сперва предложилъ имъ праздновать по ихъ обряду въ землѣ Египетской, а потомъ, въ избѣжаніе невѣротерпимости туземцовъ, отпускалъ однихъ мужицъ въ пустыню, которая была извѣстна ему. Эта пустыня лежала за границею царства его, но не далеко отъ нея. Иначе, онъ позволилъ бы Евреямъ сходить на праздникъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, если бы мѣсто приношенія жертвы ихъ находилось въ предѣлахъ владѣній его. Видно, потомки Іакова, живя въ Гессемской землѣ, ходили на сопредѣльный Синай въ небольшомъ числѣ, и тамъ у Хорива приносили Богу жертвы; и Египетское правительство позволяло имъ совершать набожное путешествіе туда. Вопросъ фараона: кто и кто суть идущіи, — и отвѣтъ Моисея, — всѣ мы пойдемъ: будетъ бо праздникъ бога нашего, — даютъ разумѣть ясно, что Египетскому начальству извѣстенъ былъ какъ обычай Евреевъ ходить къ Хориву, такъ и самый праздникъ, который они совершали тамъ, и что оно отпускало ихъ туда, переписывая имена поклонниковъ».

«Гора Хоривъ называлась Божіею еще до вод-

воренія Моисея у Іоѳора. Онъ засталъ это названіе и внесъ его въ свое бытописаніе. (Исход. 3, 1). Значить, сія гора почиталась мѣстомъ священнымъ. Не извѣстно исторически: когда и по какому поводу она получила такое значеніе. Думаю, что вскорѣ по смерти Авраама у Хорива образовался особый чинъ служенія истинному Богу, и что туда ходили всѣ недовольные не давнимъ распространеніемъ идолопоклонства. По этому чину священнодѣйствовалъ тамъ Іоѳоръ. По этому чину тамъ же Евреи совершали празднество еще до изшествія изъ Египта, и по изшествіи приносили жертву Іеговѣ во время свиданія Іоѳора съ Моисеемъ въ Рафидинѣ».

Такимъ образомъ іероглифическіе памятники въ Магарѣ и въ сосѣднемъ Ель-Хадемѣ послужили мнѣ поводомъ къ составленію слѣдующихъ новыхъ понятій:

1) Сѣверо-восточная граница Египетскаго царства, въ древнѣйшія времена, пролегла на Синайскомъ полуостровѣ чрезъ гору Ель-Хадемъ и чрезъ долину Магарскую, и упиралась въ Чермное море у Мархской равнины.

2) Въ этихъ пограничныхъ мѣстахъ Египетскіе поселенцы занимались разработкою металловъ.

3) Съ ними имѣли житейскія сдѣлки коренные жители Синая, и потому чертили загадочныя для насъ надписи по пути отъ Хорива и Фарана къ Ель-Хадему и Магарѣ.

4) Та пустыня, въ которую фараонъ отпускалъ Израильтянъ на праздникъ, отстояла на три дни пути не отъ Мемфиса или Цоона, и не отъ Гесемской земли, а отъ Хадемо-Магарской границы Египетскаго царства.

5) Первые пустыни, чрезъ кои шли Израильтяне, какъ то Ооомъ, Суръ, Мерра и Елимъ, находились въ предѣлахъ сего царства; и этотъ народъ былъ совершенно свободенъ уже тогда, когда вступилъ въ пустыню Сінъ, которая соотвѣтствуетъ нынѣшнему околотку, находящемуся между Хадемо-Магарою и долиною Шехъ.

Таково было вечернее занятіе мое у горькаго источника Морки на Мархской равнинѣ!

22, Вторникъ.

На мѣстѣ этой равнины нѣкогда былъ заливъ морской. Но дождевые потоки, увлекая туда съ сѣднихъ высотъ и долинъ камни, глину, песокъ и древесныя сучья, мало помалу оземлили его. На этой равнинѣ въ обилии растутъ смерчія, колокинтія, и колючія былія для верблюдовъ. Въ поперечникѣ ея отъ сѣрнаго источника, Морки, до устья долины Шиллелъ будетъ верстъ десять: а длина ея отъ Уади Насбъ до моря, кажется, нѣсколько болѣе. Къ Мархъ примѣняютъ ту пустыню Сінъ, въ которую пришелъ

изъ Елима весь сонмъ сыновъ Израилевыхъ. (Исход. 16, 1. Числ. 33, 11, — 16). Но такъ какъ эта мѣстность мала для такого сонма; то я полагаю, что она есть только приморская часть сказанной пустыни, находящейся между Хадемомъ и Магарою съ западной стороны, и долиною Шехъ и Хориво-Синаемъ съ восточной стороны. Такъ точно опредѣлено положеніе ея и въ книгахъ, Исхода и Числь. «Воздвигошася отъ елима и ополчишася у моря чермнаго: и воздвигошася отъ моря чермнаго и ополчишася въ пустынь сінъ, яже есть между елимомъ и между сіною (т. е. Синайскою пустынею у Хорива. (Числь 33, 15).»

Съ разсвѣтомъ верблюды мои пошли по узкой стезѣ между моремъ и утесистымъ мысомъ, Зелимà, и обогнувъ его, поднялись въ Уади Тайбе и пошагали по правой окраинѣ ея высоко надъ русломъ. Уади Тайбе значитъ: красивая долина. Такое названіе вполне соотвѣтствуетъ ея величественной обстановкѣ и богатой растительности. Не далеко отъ устья ея находится родникъ соленоватой воды. Около него густятся деревья манновыя и финиковыя. Тутъ же, съ лѣвой стороны, тянутся къ морю высокія, песчаниковыя скалы смуглаго цвѣта, какъ бы крѣпостныя стѣны, а ниже ихъ, но въ связи съ ними и въ томъ же направленіи окаймляютъ глубь долины меловые утесы. Замѣчательно образованіе горъ Синайскихъ. Въ нихъ въ перемежку спаяны растворы

разнаго каменистаго вещества. Известнякъ слить съ песчаникомъ, гранить соединенъ съ порфиромъ, сіенитомъ, діоритомъ, и песчаникомъ. Значить, поверхность земнаго шара нѣкогда была въ жидкомъ состояніи, и потомъ спаяна Всемогущимъ Зодчимъ. «Разліяся же земля, яко прахъ, спаяхъ же еѣ, аки каменемъ, на четыре углы.» говоритъ самъ Богъ. (Іов. 38, 38). Въ разсѣлинахъ меловыхъ утесовъ Таибской долины растутъ тернистые кустарники съ зелеными капорцами. А въ стропотномъ руслѣ ея въ чащѣ Тарфъ, акацій и камыша водятся зайцы и серны. Эта долина составляла часть того Елима, въ которомъ Израильтяне пребывали нѣсколько дней у двѣнадцати источниковъ. Въ ея верховьѣ раздѣляются двѣ дороги въ Синайскій монастырь. Тутъ поѣздъ мой поворотилъ налѣво къ Уади Усейтъ и прибылъ туда по захожденіи солнца.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ТРИ ДНИ ВЪ ПУТИ ОТЪ УСЕЙТА ДО СУЭСА.

Отъ Усейта до Суэса мы ѣхали прежнею дорогою и ночевали въ двухъ мѣстахъ, въ Уади Ярданъ и у Аюнъ-Мусовскихъ источниковъ.

23, Среда. Между Гаренделемъ и Ярданомъ встрѣчались съ нами Синайскіе Бедуины, возвращавшіеся изъ Каира съ разною поклажею. Одинъ изъ нихъ отсталъ отъ сотоварищей, и связавъ веревкою согнутую ногу нагруженнаго верблюда своего, уклонился въ сторону отъ дороги такъ далеко, что мы не могли видѣть его. Вокругъ сего животнаго въ песокъ обведена была черта. На нее обратилъ мое вниманіе переводчикъ и сказалъ, что она означаетъ проѣзжающимъ Бедуинамъ отдаленное присутствіе погонщика этого верблюда, и что они, усмотрѣвъ сію черту, не только не уведягъ одинокое животное, но даже и не прикасаются къ нему, хотя бы около него въ чертѣ находился поклонникъ, или путе-